

РЕЖИМНЫЙ СЕГМЕНТ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИКИ: СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ СПЕЦПОСЕЛЕНИЙ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1930-х гг.

Начало 1930-х гг. стало временем ускоренного формирования режимного сегмента советской экономики, основанного на принуждении к труду различных групп «спецконтингента». Массовые антикрестьянские репрессии в деревне послужили основой становления сети спецпоселений для размещения и использования труда ссыльных крестьян с семьями. Политика форсированного принудительного раскрестьянивания являлась органичной частью создания в СССР экономики военно-мобилизационного типа. В настоящей публикации осуществлен анализ базовых политических, экономических, социальных и демографических факторов, влиявших на динамику формирования комендатурной подсистемы, ее структурно-функциональные характеристики и дальнейшую эволюцию. Отмечены такие черты данной подсистемы принудительного труда, как громадные издержки на ее создание и функционирование, деформация стимулов и мотивов трудовой деятельности, деградация демографического потенциала ссыльной крестьянской семьи, деструктивное влияние внеэкономических факторов (вторичные репрессии, смертность, побег и так далее). Существовавшие для спецпереселенцев дискриминации и ограничения в области условий труда, его оплаты, жизненных условий и социально-профессиональной мобильности закрепляли и усугубляли маргинальный статус ссыльных крестьян в сталинском обществе.

Ключевые слова: *государственная репрессивная политика, крестьянство, система спецпоселений, комендатурная экономика.*

В современной отечественной историографии уже стало общепризнанным положение о том, что на рубеже 1920–1930-х гг. в СССР произошло стремительное возникновение, а затем и разрастание системы принудительного труда, представленной симбиозом лагерей ОГПУ и комендатур для крестьян-спецпереселенцев. Сформированные таким образом лагерно-комендатурные территориально-производственные комплексы в течение последующей четверти века занимали устойчивое положение и играли существенную роль в экономике северо-западных, восточных и северо-восточных регионов страны. Разветвленная и разнообразная по формам своего существования система принудительного труда оказалась важнейшим фактором для осуществления процессов колонизации и освоения труднодоступных территорий с богатейшими сырьевыми ресурсами, наложив соответствующий отпечаток на социально-экономическую, демографическую, культурную и организационно-управленческую ситуацию в указанных регионах, которая сказывается и по сей день.

Выше уже отмечались сущностные характеристики данного феномена: форсированные сроки создания, устойчивость и воспроизводство системы на протяжении четверти века и долговременный характер последствий ее существования.

Цель настоящей публикации состоит в рассмотрении причин, условий и факторов, обусловивших формирование самого массового сегмента принудительного труда применительно к началу 1930-х гг. – сети (затем системы) крестьянских спецпоселений, ставшей институциональной основой для экономики особого типа – комендатурной.

Прежде всего необходимо сделать пояснение концептуально-терминологического порядка. В исследованиях, посвященных данной проблематике, нет устоявшегося понятийного аппарата. При наличии значительного числа работ, среди которых преобладает тематика лагерного труда, историки и экономисты предпочитают говорить о феномене принудительного труда как таковом, встраивая его в те или иные экономические модели: репрессивную, принудительную, мобилизационную, режимную и так далее [1; 3]. На наш взгляд, они могут выступать в широком смысле синонимичными, поскольку подчеркивают специфичность, отличие этого типа организации хозяйственной деятельности от «нормальной» экономики, ибо, в отличие от последней, в этой системе господствуют внеэкономические стимулы, принципы, оценки результатов. Ниже перечислим те характеристики, которыми, по нашему мнению, обладает режимная/ репрессивная экономика (РЭ).

Под последней нами понимается институционально оформленная социальная система, обладающая своими, только ей присущими базовыми признаками (особая подсистема организации и управления, снабжаемая всеми необходимыми видами ресурсов (материальных, финансовых и др.), основанная на эксплуатации труда различных групп спецконтингента и призванная обеспечить достижение тех или иных целей и результатов в сроки и в масштабах, не достижимых обычными экономическими средствами). РЭ может служить инструментом решения как общеэкономических задач, так и задач военно-оборонного характера, и в этом значении сферы ее распространения и приложения универсальны, как универсальна сама «рабсила», на эксплуатации которой данная система базируется. Репрессивная экономика режимна, поскольку регулируется не экономическими, а внеэкономическими регуляторами – установлениями и нормами «режимных», специальных управляющих органов. Репрессивная экономика взаимосвязана со структурами репрессивной политики и взаимодействует с ними: устойчивость и перманентность массовых репрессий придает устойчивость и обеспечивает воспроизводство данной системы. Возникнув как продукт политических решений, РЭ становится далее стимулом, катализатором, постоянно действующим и самодовлеющим фактором для осуществления последующих репрессий. И в данном аспекте она уязвима, поскольку основана на репрессиях, принуждениях и дискриминациях. РЭ обладает признаками и чертами мобильности и может комбинироваться в различных сочетаниях с другими существующими видами институциональной экономики. РЭ органична для советской модели экономики директивно-мобилизационного типа, будучи одной из разновидностей последней в широком типологическом смысле. Наряду с этим РЭ может приобретать и черты самодостаточности, замкнутости, организационно-управленческой экстерриториальности.

Рассматриваемый ниже спецпоселенческий сегмент режимной экономики на начальной фазе своей институционализации обладал определенными чертами, одни из которых сближали его с лагерным сегментом, а другие делали существенно отличными. Среди общих черт необходимо выделить то, что и спецпоселения, и лагеря являлись результатом государственной политики репрессий и насилия. В обоих случаях репрессивно-изоляционная функция увязывалась с использованием трудового потенциала «спецконтингента» в интересах экономических целей

и проектов государства. В обоих случаях ссыльные и заключенные являлись универсальной «рабсилой», которая могла быть перенацелена и перепрофилирована в зависимости от намерений государственной власти. Как лагерная, так и комендатурная экономика имела специфические, отличные от «гражданской» черты организации, управления, условий хозяйственной, финансовой деятельности.

К чертам, отличавшим комендатуры и лагеря, следует отнести, прежде всего, способы их формирования и наполнения (социально-демографический потенциал). Спецпоселения создавались путем внесудебных решений: решения о высылке принимались в «административном» порядке; законодательства, регулировавшего данную форму репрессий разработано так и не было, несмотря на ряд попыток оформить «правовую» сторону спецпоселений. Высылаемые, в отличие от заключенных, имевших сроки лишения свободы, не имели фиксированных сроков пребывания на спецпоселении, то есть ссылка становилась бессрочной. Хотя в последующем были разработаны механизмы выхода из спецпоселков для отдельных групп ссыльных (по достижении 16-летнего возраста для молодежи, выезд для получения образования, служба в армии, передача сирот, инвалидов и других категорий нетрудоспособных на иждивение родственникам и так далее), но масштабы «оттока» регулировались и не подрывали устойчивости самой комендатурной системы. Кроме того, крестьянская, а далее и этническая ссылка носили не индивидуальный, а семейный характер (депортации подвергались семьи). Это накладывало значительный отпечаток на характер и формы экономической деятельности спецпоселений, где индивидуальный труд сосуществовал с семейным трудом и даже детерминировался последним. Наряду с этим экономика спецпоселений обладала, в отличие от лагерной, таким потенциалом, как социальные связи (сохранение родственных, поселенческих связей и отношений, облегчавших выживание и адаптацию крестьянских семей в условиях комендатурной экономики). Хотя следует отметить важное обстоятельство: семейное хозяйство более устойчиво, нежели индивидуальное, но одновременно и более уязвимо в зависимости от условий осуществления хозяйственной деятельности, которая в комендатурной экономике неизбежно сопровождалась экстремальными обстоятельствами (смертность, побег, передислокация и так далее).

Создание в 1930–1931 гг. сети (системой со всеми сопутствующими этому свойствами она

станет в течение примерно 3–4 лет) спецпоселений из репрессированных крестьян с семьями являлось своеобразным гигантским экспромтом, не подкрепленным никакими предварительными экономическими проработками и расчетами и ставшим поначалу побочным продуктом, следствием массовой карательной антикрестьянской операции в деревне. Отсюда вытекает и масса противоречий и конфликтов на разных уровнях управленческой машины, сопровождавших создание не прогнозирувавшегося ранее сектора экономики в таких масштабах и такие форсированные сроки. На ранней стадии своего формирования (1930–1934 гг.) сеть крестьянских спецпоселений имела весьма затратный и убыточный характер. Вторая половина 1930-х гг. может считаться временем, когда экономика спецпоселений стала органичной частью сталинской экономической модели, а результаты деятельности спецпереселенцев приобрели осязаемые, верифицированные показатели, поддающиеся измерению в натуральной и стоимостной форме. Образно говоря, первая половина 1930-х гг. для экономики спецпоселений – это период безвозмездных затрат, или «черная дыра» в бюджете. Вторая половина десятилетия – это время экономической расплаты спецпоселений перед сталинским режимом, период «серой дыры», поскольку система принудительного труда продолжала существовать по особым правилам финансирования и отчетности, а следовательно, и особым экономическим правилам.

Какие затраты понесло государство при проведении депортаций (высылки) в разные периоды на протяжении первой половины 1930-х гг.? Ответ на этот вопрос далеко не очевиден и специальному рассмотрению в историко-экономической литературе не ставился и не дебатировался. Причина видится в том, что финансирование репрессий осуществлялось из нескольких источников, а контроль и отчетность не были налажены надлежащим образом. Установлено, что основным источником финансирования этих непредвиденных (чрезвычайных) расходов был государственный бюджет (резервный фонд СНК СССР). Все выделявшиеся средства делились на безвозвратные и возвратные. В основу был положен следующий принцип: государство несет расходы по депортации, размещению и созданию производственной базы и социально-культурной инфраструктуры для спецпереселенцев, а возврату должны были подлежать кредиты, выдаваемые спецпереселенцам на постройку жилья, приобретения имущества, скота в районах нового про-

живания. Однако это была некоторая идеальная схема. На начальном этапе становления спецпоселений (1930–1934 гг.) все бюджетные расходы были безвозвратными. Им можно дать только самую приблизительную оценку.

В 1930 г. для осуществления депортации и расселения в спецпоселках «кулаков 2-й категории» СНК СССР из резервного фонда была выделена несколькими частями весьма значительная сумма. Первоначальным целевым ее получателем и распорядителем выступало руководство ОГПУ. Средства предназначались для финансирования прежде всего самой карательной операции силами ОГПУ и частично НКВД РСФСР (милиции). Так, согласно справке начальника финансового отдела ОГПУ Л. Берензона, составленной 9 февраля 1931 г., для проведения «первой операции» (зима – лето 1930 г.) по постановлению СНК СССР ОГПУ получило в свое распоряжение фонд «К» в размере 43 млн 150 тыс. руб. Из них только для увеличения штата ОГПУ из средств на проведение карательных операций в деревне было отпущено более 6 млн руб.¹ 3,8 млн руб. отпускались на «особые расходы» (без расшифровки назначения – С. К.). Далее предусматривались расходы на увеличение лагерей, куда направлялись «кулаки 1-й категории». Наибольшие же расходы предусматривались на проведение самой операции по высылке, размещению и хозяйственному устройству спецпереселенцев – 24,2 млн руб. Сюда входили расходы по централизованным транспортным перевозкам людей, хозяйственных и продовольственных грузов, расходы на охрану, питание в пути и закупку запасов продовольствия, фуража, инвентаря, медико-санитарного обслуживания в период расселения на новых территориях. Монополистом данных средств номинально выступала специальная комиссия правительства по спецпереселенцам под председательством В. В. Шмидта, но фактическим распорядителем было руководство ОГПУ. Процедура предусматривала передачу неизрасходованных ОГПУ средств по завершению операции обратно в бюджет. По данным Берензона, в казну было возвращено 20,1 млн руб.² Таким образом, только ОГПУ израсходовало на депортационные цели около 23 млн руб. Если из этой суммы вычесть расходы на расширение сети лагерей (9 млн руб.), то расходы на спецпереселенцев составят 14 млн руб.

Местным органам Северного края, Урала и Сибири (районов основного расселения спецпе-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 457. Л. 40–41.

² ЦА ФСБ РФ. Ф. 2. Оп. 9. Д. 20. Л. 270.

реселенцев) на финансирование хозяйственно-го устройства репрессированных крестьян было отпущено около 12 млн руб.¹ Начался отпуск средств крупным хозяйственным ведомствам, в чье распоряжение поступали спецпереселенцы (в частности, около 1 млн руб. получило Управление «Цветметзолото»).

Очевидно, однако, что расходы на перемещение и устройство на новых местах в 1930 г. 100 тыс. крестьянских семей (550 тыс. чел.) не ограничивались этой цифрой в 27 млн руб. Сюда вошли только централизованные расходы из Центра. По меньшей мере еще несколько миллионов составили неоплаченные Центром расходы на депортацию местных бюджетов, а также те из них, что ложились трудовой повинностью на плечи местных крестьян. Перевозка «кулаков» на лошадях внутри регионов обычно не оплачивалась, хотя была крайне затратной. В марте 1930 г. перевозка 1,5 тыс. семей с грузами из одного района Сибири в другой потребовала бы мобилизовать у местных крестьян 12 тыс. подвод, что по тогдашним расценкам могло обойтись местной казне почти в 500 тыс. руб. Однако местные власти вместо этого объявили перевозки бесплатной повинностью для крестьян (всего же внутри Сибири зимой – весной 1930 г. гужевыми перевозками вглубь тайги было перемещено 16 тыс. семей крестьян) [5. С. 81]. Таким образом можно предположить, что неучтенные расходы только внутри Сибири составили не менее 5 млн руб., а подобные расходы несли региональные власти и Урала, и Северного края, так что эту сумму по трем регионам предположительно можно утроить. Следовательно, всего в 1930 г. государство затратило на спецпереселенцев примерно 27 млн руб. прямых централизованных расходов и до 15 млн руб. расходов, которые понесли местные бюджеты, куда необходимо включить и скрытые расходы (гужевые перевозки, вмененные в повинность местным крестьянам – перевозчикам). Новая и еще более значительная депортация крестьян весны – лета 1931 г., почти втрое превзошедшая по масштабам высылку 1930 г., естественно, повлекла за собой и более значительные финансовые затраты. К высылке в 1931 г. был применен более прагматичный подход с точки зрения учета и оценки экономической целесообразности размещения и использования труда репрессированного крестьянства в тех или иных регионах и с учетом потребности в «рабсиле» различных наркоматов и ведомств. Так, в 1930 г. при высылке приоритет отдавался охранительному аспекту – территория

размещения спецпоселков оценивалась в первую очередь с точки зрения обеспечения режима изоляции высланных, и только во вторую очередь оценивалась возможность рационального использования труда спецпереселенцев. В 1931 г. ситуация значительно изменилась. Созданная решением Политбюро и работавшая с марта 1931 г. до осени 1932 г. комиссия по спецпереселенцам (по фамилиям своих руководителей она известна в литературе как «комиссия А. А. Андреева – Я.Э. Рудзутака») по основной функции может быть названа «наркоматом принудительного труда», поскольку целью ее деятельности стала увязка и координация карательной и экономической стороны антикрестьянских репрессий.

Комиссия изучала предложения руководства региональных комитетов партии и ОГПУ о масштабах высылки крестьянства вовне или внутри тех или иных регионов с учетом заявок от всевозможных хозяйственных органов на использование труда спецпереселенцев. В то же время учет экономической целесообразности при планировании массовых репрессий можно признать рациональным фактором только отчасти. Хозяйственным органам, как правило, было безразлично, сколько времени спецпереселенцы могли адаптироваться к новым и экстремальным условиям своего существования. Высылка сельского населения хлеборобных районов юга Украины и Северного Кавказа в таежно-болотистые территории Западной Сибири, а жителей республик Средней Азии – на Украину и Северный Кавказ имела прежде всего политическую подоплеку.

В то же время по сравнению с 1930 г., в 1931 г. изменились принципы финансирования депортаций и хозяйственного устройства спецпереселенцев. Как и ранее, ОГПУ получило свою долю денежных средств из резервного фонда СНК СССР на перевозку, размещение и создание режимных условий для спецпереселенцев. Но, наряду с этим, в еще более значительных размерах правительство стало финансировать хозяйственные органы для создания условий по устройству и использованию труда спецпереселенцев. Вместе с тем контрольные органы очень скоро выяснили, что эти целевым образом выделяемые средства («адресные» деньги) ведомства часто тратили не по их прямому назначению, а на текущие нужды, не связанные с обслуживанием нужд спецпереселенцев. Сама отчетность по расходам была запутанна или не представлялась вовсе.

Комиссия ЦКК – РКИ, которой А.А. Андреев поручил проверить летом 1931 г. размеры государственных затрат в этой сфере, пришла к не-

¹ Там же. Л. 274.

утешительным выводам. Данные НКФ СССР и хозяйственных наркоматов существенно расходились в оценках полученных из бюджета средств для обеспечения условий труда и быта спецпереселенцев. НКФ фиксировал, что хозяйственные органы получили для этих целей в первой половине 1931 г. 21,5 млн руб., в т. ч. наибольшие суммы достались Управлению «Цветметзолото» (6 млн) и «Союзлеспрому» (12 млн). Однако, по данным ВСНХ СССР, «Союзлеспром» за этот период получил из бюджета 21 млн руб., а в третьем квартале 1931 г. должен был получить еще 6 млн руб. «Цветметзолото», по этим данным, получило 12 млн руб. Таким образом, разница в цифрах только по этим двум органам колебалась от 21,5 млн до 33 млн руб.¹

Что касается расходов, которые контролировало ОГПУ в 1931 г., то правительством в июле 1931 г. этому ведомству для обеспечения высылки и создания инфраструктуры спецпоселений было решено выделить 28 млн руб. (из них только на операцию по высылке и перевозкам 4,5 млн руб.). Однако в сентябре 1931 г. правительство уменьшило общую сумму до 20 млн руб.² Помимо этого и дополнительно к названным выше суммам СНК СССР своим секретным постановлением от 16 августа 1931 г. выделил на цели хозяйственного устройства спецпереселенцев для финансирования во второй половине года и в 1932 г. еще 40 млн руб.³ Если суммировать все приведенные выше цифры, то размеры государственных расходов, выделенные в 1931 г. на спецпереселенцев, составляют от 81,5 млн до 93 млн руб.

Это означает, что государство, осуществляя в 1930–1931 гг. высылки, тратило на проведение самих перевозок сравнительно скромные суммы (по 5–6 млн руб. в год), но затем, втягиваясь в расходы по созданию самих спецпоселков и их инфраструктуры, а также условий для снабжения, устройства быта и использования труда спецпереселенцев, начинало тратить весьма значительные и все возрастающие суммы на эти цели. Для сравнения укажем, что если в 1931 г. суммарные расходы депортацию и обустройство высланных крестьян во всех отраслях экономики составил от 81,5 млн руб. (нижняя граница расходов), то только по НКТП в бюджете на 1933 г. для финансирования спецпереселенцев, работавших на предприятиях наркомата, было отпущено около 75 млн руб.⁴ Если учесть, что в промышленно-

сти на тот период было занято не более трети от общей численности спецпереселенцев, то можно предположить, что в 1933 г. государство выделило на цели функционирования «старых» спецпоселков уже не менее 200 млн руб.

К этому следует добавить, что сталинский режим в 1933 г. осуществил, хотя и не в полном объеме, амбиционный план дополнить «контингент» крестьянских спецпоселков высланными «социально-опасными» и деклассированными элементами из крупных городов и приграничных территорий. Так, для переселения почти 600 тыс. чел. «нового контингента» планировалось отпустить около 150 млн руб. Реально карательным органам удалось депортировать около 300 тыс. чел. Соответственно, расходы составили, вероятно, половину от запланированных средств. Это дает основание считать, что в 1933 г. суммарные расходы государства на содержание «старых» и «новых» спецпереселенцев могли выражаться цифрой 270–280 млн руб. Естественно, следует учитывать инфляционные процессы, но и произведенные расчеты показывают, что государственные затраты на спецпоселения удваивались в каждый последующий год в сравнении с предыдущим (1930 г. – 42 млн, 1931 г. – до 90 млн, 1932 г. – данных нет, 1933 г. – 270–280 млн руб.).

Репрессивная статистика свидетельствует, что в 1930–1931 гг. из деревни в спецпоселки было депортировано 381 тыс. крестьянских семей. На их транспортировку и начальное бытовое и хозяйственное устройство государство израсходовало в эти же годы приблизительно 130–140 млн руб., или примерно по 300–350 руб. на одно принудительно переселенное хозяйство. В последующие годы с учетом растущей инфляции затраты государства на высылки крестьянства в спецпоселки росли достаточно серьезно. Можно сравнить приведенные выше цифры с данными о расходах на локальную высылку из южных районов Западной Сибири в северные (нарымские комендатуры) в конце мая 1935 г. почти 600 хозяйств (2 615 чел.). В своей докладной записке в ЦК ВКП(б) от 9 июля 1935 г. секретарь крайкома партии Р.И. Эйхе оценивал произведенные краевым бюджетом расходы в 450 тыс. руб. Кроме того, он полагал, что на первый год своего пребывания на спецпоселении до получения первого урожая выселенным требовалось выделить семян, продовольствия и фуража для скота еще на такую же сумму. В итоге сумма затрат удваивалась⁵. Таким образом, можно сделать вывод о том, что в середине 1930-х гг. высылка и хо-

¹ АПРФ. Ф. 3. Оп. 30. Д. 195. Л. 56–56 об.

² ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 12 а. Д. 850. Л. 7–13.

³ Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. С. 17.

⁴ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 469. Л. 236

⁵ ГАНО. Ф. П-3. Оп. 1. Д. 690 б. Л. 55.

зайственное устройство одного хозяйства обходилось государству примерно в 1,5 тыс. руб. Сказанное выше подтверждается и сведениями 1936 г., когда при высылке из Украины 15 тыс. немецких и польских семей (45 тыс. чел.) затраты на их переселение и первоначальное хозяйственное устройство в Карагандинской обл. Казахстана были определены суммой в 23 млн руб., что также соответствует затратам на депортации 1935 г. в Сибири (1,5 тыс. руб. на переселение одного хозяйства)¹. При этом как бы государство не пыталось минимизировать собственные затраты, предусматривая увеличение доли в этих расходах так называемых возвратных средств, безвозвратных средств тратилось значительно больше. Начиная в 1930 г. массовые высылки крестьянства, сталинский режим поначалу не предвидел масштаба и совокупности проблем и трудностей, которые возникали и в дальнейшем сопровождали решение «ссылного вопроса». Поначалу вообще считалось, что достаточно будет организовать спецпоселки в местах нового расселения крестьян и обязать их выполнять установленные государством задания в области земледелия. И лишь небольшую часть предполагалось направить в неземледельческую сферу, но также весьма традиционную и знакомую крестьянам (лесозаготовки, кустарные промыслы, рыболовство и так далее). Вот почему первые решения о хозяйственном устройстве спецпереселенцев говорили о «спецколонизации» северных и восточных территорий страны силами высланных на поселения крестьян. «Пролетаризация» «кулачества» в качестве приоритетной задачи вначале не предусматривалась. Это четко видно на основных сферах использования труда спецпереселенцев в 1930 г.: сельское хозяйство и лесозаготовки. Тем не менее, в том же 1930 г. первым из крупных хозяйственных ведомств «Цветметзолото» включило в состав используемых на золотых приисках Сибири и Дальнего Востока почти 20 тысяч «кулаков – одиночек», высланных без семей из Украины и Белоруссии.

Ситуация резко меняется в 1931 г., когда с весны этого года ОГПУ берет на себя полное административное управление спецпоселками (ранее это входило в сферу деятельности упраздненного в конце 1930 г. НКВД РСФСР) и ответственность за организацию и контроль над использованием труда спецпереселенцев в экономике страны. С этого момента ОГПУ имеет монопольное право на распределение спецпереселенцев по сферам занятости и вводит этот процесс в нормативные,

договорные рамки. Именно ОГПУ с ведома партийного руководства (выше уже говорилось о роли комиссии Андреева – Рудзутака) заключает генеральные договоры с крупнейшими хозяйственными органами страны на использование ими труда спецпереселенцев. С этого же момента формируется две взаимосвязанные модели организации и профиля хозяйственной деятельности спецпоселений.

Первая из них – это схема организации, заимствованная из опыта коллективизации – создание так называемых неуставных артелей (сельскохозяйственных и кустарно-промысловых). От колхозов их резко отличало прежде всего то, что они не имели формально избранных органов и руководителей (правление и председателя), а контрольно-надзорные функции исполняли комендант спецпоселка и его помощники. В этой модели комендатура несла ответственность не только за выполнение режима поселений, но и за производственную деятельность спецпоселка/спецартели. Хотя ответственность была «разделенной»: для осуществления организационно-хозяйственной деятельности из числа ссыльных назначался уполномоченный, который, реально отвечая за экономические результаты, в любой момент мог быть смещен с этой должности, арестован и так далее.

Вторая модель организации принудительного труда предусматривала гибрид спецпоселения и рабочего поселка, профиль хозяйственной деятельности которого лежал в сферах промышленного производства, строительства, транспорта и других не аграрных отраслях экономики. В этом случае комендант ОГПУ – НКВД отвечал только за соблюдение режима спецпоселения, а всю ответственность за успех или неудачи на производстве несла хозяйственная организация, эксплуатирувавшая труд спецпереселенцев. При этом существовала практика, согласно которой из заработков спецпереселенцев производились обязательные отчисления, уходившие на содержание аппарата комендатуры. В рамках данной модели для ссыльных крестьян существовал более широкий «коридор возможностей» для экономической заинтересованности в результатах производственной деятельности: действовала (хотя и в ограниченных пределах) система стимулирования труда, улучшения бытовых условий, повышения статуса и так далее. Большинство хозяйственных организаций, эксплуатирующих труд ссыльных, раньше или позже приходило к пониманию выгоды превращения спецпереселенцев в «постоянный кадр рабочих». Следу-

¹ ГАРФ. Ф. Р-5446. Оп. 1. Д. 486. Л. 120.

ет однако отметить, что такого рода политика и практика «человекосбережения» в первые годы формирования спецпоселений в не аграрных сферах не имела распространения, а процветала практика «хищнического» отношения и жестокой эксплуатации крестьянского «спецконтингента».

В итоге указанного разделения по типам организации и сферам применения труда репрессированных крестьян сложились и две организационно-экономические подсистемы. Первая – аграрно-колониационная – применялась в районах освоения новых территорий Севера и Востока СССР. Фактически она была призвана дополнить в качестве аграрной составляющей экономику тех территорий, где (или вблизи) шло интенсивное промышленное и транспортное их освоение. Как правило, это были и те территории, где разворачивались крупные лагерные комплексы, что позволяло создавать симбиозы – лагерно-комендатурные комплексы. К числу таковых относились территории Западной Сибири (сельскохозяйственный и промысловый Нарымский край и промышленный Кузбасс), Северный Казахстан (сочетание неуставных артелей с Карагандинским лагерем угольно-металлургического профиля), Беломоро-Балтийский комбинат (после строительства которого силами заключенных началось освоение территории комбината силами спецпереселенцев). Фактически они являлись замкнутыми территориально-производственными комплексами, находившимися под юрисдикцией ГУЛАГ, и в этом понимании были экстерриториальны. Вторая – производственно-промышленная – являлась составной частью формировавшихся «открытых» хозяйственных комплексов первых пятилеток, где в значительных масштабах требовался массовый физический труд различной квалификации (строительство и далее освоение мощностей Кузнецкого и Магнитогорского металлургических комбинатов, строительство и эксплуатация новых угольных шахт и так далее). Здесь спецпереселенцам была уготована форсированная «пролетаризация» и роль важного составного источника формировавшихся «постоянных кадров» строительных, промышленных или транспортных рабочих в течение 1930-х гг.

Данные репрессивной статистики позволяют говорить о том, что на протяжении всего десятилетия внутри системы спецпоселений формировались свои территориально-производственные комплексы. Здесь имели место процессы и статистики, и динамики. Как уже отмечалось выше, с начала 1930-х гг. складывалась своего рода про-

изводственная специализация различных регионов. Север Западной Сибири, Северный Кавказ, Северный Казахстан, отчасти Северный край и некоторые другие регионы имели специализацию в традиционных сферах экономики (сельское хозяйство, промыслы, лесозаготовки). Наряду с этим формировались производственные комплексы, где доминировал промышленный сектор (юг Западной Сибири, Урал, Ленинградская область и так далее).

Суммарные данные распределения спецпереселенцев по сферам занятости не подтверждают гипотезу о том, что на протяжении десятилетия последовательно осуществлялась своего рода «перекачка» трудового потенциала спецпереселенцев из традиционных отраслей экономики в быстро развивающиеся новые сектора (промышленность, строительство, транспорт). Цифры говорят скорее о «маятниковом» эффекте в распределении репрессированных крестьян по отраслям экономики. Примечательно, что летом – осенью 1931 г. – в период осуществления самой массовой депортационной операции – наиболее приоритетными сферами экономики считались индустриальная и связанные с ней инфраструктуры (строительство и транспорт). На это нацеливалась в своей работе и упомянутая выше комиссия Андреева – Рудзутака, удовлетворявшая практически все заявки крупнейших наркоматов и ведомств индустриального профиля на массовую неквалифицированную рабочую силу спецпереселенцев. Отсюда крайне высокая доля спецпереселенцев, помещенных в промышленные сектора осенью 1931 г., – 3/4 от их общей численности. Однако данные «трудоустройства» спецпереселенцев осенью 1936 г., то есть через пять лет, указывают на изменившееся соотношение в распределении этого «контингента» по секторам экономики. Доля спецпереселенцев в индустрии и ее обслуживании составила около 2/3 от общей их численности, то есть снизилась, тогда как в аграрно-промысловом секторе доля спецпереселенцев повысилась, приближаясь к 1/3. К началу 1940-х гг. в сельском хозяйстве и промыслах работала уже 1/3 спецпереселенцев [Подсчитано по: 2. С. 48–50.]. Иначе говоря, ситуация в сферах использования труда спецпереселенцев оказалась несколько более сложной, нежели первоначальная гипотеза о нарастании тенденции тотальной «пролетаризации» спецпереселенцев.

Сталинский режим скорее интуитивно, нежели сознательно, трансформировал спецпереселенцев в универсальную рабочую силу (в этом смысле необыкновенно точен термин из «ново-

яза» 1930-х гг. – «рабсила»), маневрируя ею и перебрасывая сельских жителей Запада на Восток, Юга на Север и наоборот. Широко практиковались и так называемые вторичные переселения, когда переселенцев как мобильную «рабсилу» перебрасывали по экономическим соображениям из сельскохозяйственных комендатур в промышленные и наоборот – по принципу «маятника». Но при этом крестьянин-спецпереселенец оказывался в прямом смысле маргиналом как по своему «режимному» статусу, так и по образу жизни, занятости и психологии – полурабочим-полукрестьянином. Даже будучи «приписанными» к индустриальным отраслям (металлургия, добыча угля, лесозаготовки, прииски и так далее), спецпереселенцы в местах своего размещения (спецпоселки) имели подсобное (приусадебное) хозяйство, благодаря которому выживали в экстремальных условиях.

Весьма примечательна в этом отношении информация, подготовленная Отделом труд(спец) поселений ГУЛАГ для руководства НКВД, датированная ноябрем 1935 г., содержащая сведения о 1323 неуставных артелях и доле членов этих артелей ко всему населению спецпоселков. Далее следовал чекистский комментарий: «Исключительно сельским хозяйством занимаются в Нарыме Западной Сибири 416 артелей, в Северном Казахстане 36 артелей, на Северном Кавказе все 40 артелей, в Восточной Сибири 6, Омской обл. 13 (чуть более 500 артелей. – С. К.). Остальные артели занимаются подсобным сельским хозяйством в промышленных организациях, где главы семейств работают в промышленности, а члены семейств работают в артельном сельском хозяйстве»¹. Следовательно, чекисты создали из спецпоселков в районах интенсивного промышленного освоения гибридные структуры – аграрно-индустриальные комплексы весьма примитивного традиционного образца эпохи рубежа конца XIX – начала XX в., где самые трудоспособные члены семей (мужчины) занимались индустриальным трудом, а из менее трудоспособных (женщины, старики, подростки) формировались микроартели, снабжавшие спецпоселки сельхозпродукцией. Если рационализация здесь и присутствовала, то в типично чекистском варианте: благодаря артельному труду части спецпереселенцев хозяйственные руководители промышленных производств и аппарат комендатур создавали локальные продовольственные базы, экономя на самоснабжении спецпереселенцев. Не случайно хозяйственники систематически до-

бывались освобождения этих артелей от государственных налогов и сборов производимой ими продукции.

Придать операциональность терминам, в которых требуется описание экономики спецпоселений как подсистемы советского принудительного труда крайне сложно. Мы придерживаемся того ныне уже устоявшегося понимания природы сталинской экономической модели, которая выражается категорией «мобилизационная экономика». Это, собственно, синоним того, что называется плановой, централизованной, директивной, этатизированной экономикой. В данном же случае акцентируется внимание на способах организации и функционирования экономических институтов в сталинском обществе. Этим самым подчеркиваются роль и значение внеэкономических факторов (политических и идеологических императивов), определявших вектор и динамику изменений национальной экономики.

По способу своего существования экономика спецпоселений носила закрытый, экстерриториальный и режимный характер, близкий к лагерной экономике. Некоторое пояснение следует дать словосочетанию *экстерриториальная режимная экономика*. Это рабочий термин, призванный подчеркнуть специфику способа организации и управления экономической деятельностью спецпереселенцев посредством осуществления и поддержания особого режима спецпоселения (спецпереселенцы не обладали свободой передвижения и выбора и смены рода деятельности).

Далее следует кратко отметить существующие ныне подходы к изучению феномена спецпоселений и в том числе экономической компоненты. Несмотря на работы нескольких десятков российских и иностранных исследователей, изучающих феномен советских спецпоселений, на несколько вышедших монографических работ, экономическая сторона проблемы не раскрыта в достаточной мере. Как правило, историки изучают внешнюю сторону феномена спецпоселения: численность, состав, территориальное размещение, сферы применения труда спецпереселенцев, политику государства по отношению к ним. Иначе говоря, изучаются те признаки, параметры процесса, которые очевидно выражены в документах. Однако здесь возникает опасная для историков зависимость от оценочных суждений, присутствующих в документах. Действительно, возникает своего рода конфликт интересов. Историк извлекает из документов карательных органов те или иные количественные данные (карательную статистику, как это весьма обстоятельно сделано в работах

¹ ЦА ФСБ РФ. Ф. 3. Оп. 3. Д. 1275. Л. 51.

русского историка В. Н. Земскова). И данные эти сомнению не подвергаются. Но, если быть логически последовательными, почему тогда не принять и не объявить достоверными и оценки этих документов? Однако тогда следует признать легитимной и исторически оправданной сталинскую политику в отношении репрессированного крестьянства – принять оценки типа «ликвидация кулачества», «трудовое перевоспитание кулаков», «хозяйственное оседание кулаков в местах нового расселения» и так далее.

Изучать влияние фактора принудительного труда на динамику изменений в экономике необходимо. Однако здесь всегда должна присутствовать оценка данного явления – нужно вести речь не об абстрактном труде, а о труде принудительном. Труде, при котором способы организации, использования и контроля над трудом носили режимный, репрессивный характер. Труде, который не просто использовался, а эксплуатировался. Труде, который имел затратную природу, внеэкономические основания и мотивацию. Труде, который применялся для достижения определенного результата, конкретной цели. Труде, при котором издержки и потери измерялись в стоимостных или натуральных показателях, но не принимались во внимание или слабо учитывались человеческие издержки и потери – то, что именуют «человеческим фактором».

Что имеется в виду под человеческой ценой сталинской модернизации и освоения новых территорий трудом спецпереселенцев? Прежде всего, это прямые демографические потери, которые понесли репрессированные крестьяне на спецпоселении. В спецпоселки в 1930–1931 гг. было депортировано 1,8 млн чел. Между тем, статистика на 1 января 1932 г. в спецпоселках зафиксировала наличие лишь 1,3 млн чел. Разница в полмиллиона человек относилась на так называемую убыль, среди источников которой преобладали бегство и смертность. Есть предположение, что бежавшие и умершие в первые два года создания спецпоселений соотносились приблизительно 1:1. В последующие годы (1932–1940 гг.), согласно той же статистике ГУЛАГ, из спецпоселков бежало 629 тыс. чел. (из этого числа 285 тыс. чел. были пойманы или сами вернулись в спецпоселки), а умерло около 390 тыс. чел. Даже путем механического сложения цифра убыли из спецпоселков на протяжении 1930-х гг. (вспомним отмеченную выше убыль самых первых лет) составит примерно 1 млн чел. Всего же за этот период через спецпоселки прошло примерно 3,5 млн чел. В пересчете на 100 чел. около 1/3 приходится на прямые по-

тери среди населения спецпоселков. В литературе «знаком беды» этого периода называется голод 1932–1933 гг. Нет необходимости доказывать, что в местах заключения и в спецпоселках голод был усугублен. Та же статистика ГУЛАГ зафиксировала в 1933 г. смертность в лагерях, тюрьмах и колониях на уровне 15 % от годовой численности заключенных. Такой же процент дает статистика и для спецпоселений в 1933 г. [2. С. 20–28.]. Иначе говоря, в тот год умер почти каждый шестой из заключенных и спецпереселенцев. Это сопоставимо с показателем голода на Украине.

Другой яркий показатель влияния потерь на население спецпоселков на протяжении 1930-х гг. – изменения средних размеров крестьянской семьи. В 1930–1931 гг. данный показатель для высланной крестьянской семьи составлял 4,7 чел. К началу 1940 г. этот показатель выразился в 3,8 чел. [2. С. 42]. В реальности отмеченное снижение произошло за более краткий промежуток времени – с 1930 по 1934 гг. Уменьшение семьи в размерах на 1 чел. всего за пять лет – это показатель масштабов демографической катастрофы в проекции на размеры крестьянской семьи.

Предпринятый экскурс в демографическую сферу не случаен. Очевидно, что основной организационной единицей на спецпоселении, в отличие от лагерей, являлась крестьянская семья. Поэтому и экономика спецпоселений самым прямым и непосредственным образом зависела от состава семьи, ее трудового потенциала, соотношения трудоспособных членов семьи и неработающих, то есть иждивенцев. Семья, не имевшая в своем составе одного или двух трудоспособных членов, в т. ч. мужчину, в условиях спецпоселения фактически была не в состоянии выжить. С этой точки зрения действия сталинской репрессивной машины в 1930 г. по разъединению семей путем изоляции – арестов и расстрелов – мужчин, отнесенных к так называемым кулакам первой категории – а таковых оказалось примерно 100 тыс. чел., решающим образом предопредели демографическую катастрофу в спецпоселках. Семьи отправлялись в ссылку в прямом и переносном смысле обезглавленными – без глав семей. Отчасти ситуация повторилась и во время депортации 1931 г. Осознание необходимости минимизировать негативные последствия от разъединения семей наступило только летом – осенью 1931 г., когда был запущен механизм обратного действия – воссоединения семей путем передачи глав из мест заключения в спецпоселки к своим семьям.

Противоречия в действиях сталинского режима очевидны: создавая с нуля систему спецпосе-

лений путем репрессий, этим же репрессивным механизмом ее устойчивость постоянно подрывалась. Нарушенный изначально демографический баланс (дефицит мужчин) сказывался на состоянии трудового потенциала крестьянских семей на протяжении всех 1930-х гг. Так, в комендатурах Нарымского края (север Западной Сибири), по данным на лето 1932 г., на 49 тыс. семей (183 тыс. чел.) приходилось около 47 тыс. взрослых мужчин (от 16 лет) (26 %), но 51,7 тыс. женщин (28,5 %). Остальное население спецпоселков составляли подростки и дети [5. С. 289.]. Сравним ситуацию 1932 г. с данными по всем спецпоселениям страны середины 1938 г., то есть 6 лет спустя. На почти 230 тыс. семей (870 тыс. чел.) приходилось 248 тыс. взрослых мужчин (28,5 %) и 262 тыс. женщин (30 %) [2. С. 43]. Это означает, что к концу 1930-х гг. демографическая ситуация несколько выровнялась – трудоспособные мужчины имелись практически во всех семьях. Однако по другому показателю – соотношению мужчин и женщин – сохранился разрыв в 1,5 %. Вернемся к данным по Нарымским комендатурам лета 1932 г. По статистическим данным комендатур, среди взрослого населения спецпоселков доля трудоспособного населения (от 16 до 60 лет) была достаточно небольшой. Трудоспособными были только 38,7 % взрослых мужчин и 41,6 % взрослых женщин. Это очень низкий процент, означающий: 1) среди взрослых спецпереселенцев почти 60 % – шесть из десяти – не были трудоспособными. При этом доля трудоспособных мужчин была ниже соответствующего показателя для женщин. 2) В силу сложившейся ситуации женщины вынуждены были заменить мужчин и выполнять ролевую функцию главы семьи. В ординарных, обычных обстоятельствах главой крестьянской семьи выступал практически в 100 % случаев мужчина. Присутствие женщины (жены – матери, заменившей мужа – отца) в данной роли уже в качестве значимой статистической величины говорило об экстремальности ситуации на спецпоселении, это был признак того, что вся семья оказалась в условиях борьбы за существование.

Выше уже упоминалось о том, что исходный и без того значительно обескровленный политической репрессий (разъединение семей) трудовой потенциал семей, отправленных в спецпоселки, в дальнейшем напрямую испытывал действие двух видов потерь – беги и смертность. Возрастные показатели по бежавшим и умершим очень разрозненны. Но априорно можно утверждать, что смертность превалировала в двух возрастных

группах – младшей (дети) и старшей (старики). Что же касается побегов, то они осуществлялись либо целыми семьями, либо бежали наиболее активные возрастные группы – в особенности молодежь. Данное обстоятельство самым прямым образом влияло на количество и качество трудоспособного населения спецпоселков, значительно ухудшая обе эти характеристики. Бегство двух взрослых детей из семьи в 4–5 чел. ставило под вопрос выживание оставшейся части семьи. То же можно сказать и о смерти хотя бы одного или двух трудоспособных членов семьи. Поскольку оба фактора воздействовали на статус семей постоянно и в значительных размерах, в особенности на протяжении первой половины 1930-х гг., то можно вполне определенно сказать, что трудовой потенциал спецпереселенческого социума не возрастал, а деградировал, что ставило его в пограничную ситуацию, а тип экономического поведения крестьянской семьи этого периода являл собой экономику выживания.

В новейшей отечественной исследовательской литературе (кстати, вслед за источниками ГУЛАГ) нередки рассуждения о трудовых успехах спецпереселенцев в освоении новых земельных территорий в северных и восточных районах страны (Карелия, Северный Кавказ, Западная Сибирь, Северный Казахстан). Приводятся факты более значительных результатов хозяйственной деятельности многих неуставных артелей в сравнении с колхозами в тех же регионах. Действительно, об этом говорят и предельно обобщенные данные в масштабах всей страны на 1937 г. Находясь худших условиях по техническому оснащению, спецпереселенцы имели лучшие показатели по производству картофеля и ряда технических культур, по животноводству [2. С. 63.].

Утверждение о том, что результаты деятельности спецартелей сопоставимы с колхозными и даже превосходили их в отдельных регионах, не противоречит ранее сделанному нами заключению о том, что с точки зрения крестьянской семьи ее трудовой потенциал имел тенденцию к снижению, а экономическое поведение характеризовалось как стратегия выживания. Поэтому следует сравнивать в данном случае две экономические системы хозяйствования – колхозную и спецартелей – с точки зрения мотивации труда и стратегии экономического поведения крестьян и спецпереселенцев, во-первых, и условий экономической деятельности этих систем, во-вторых. Мотивация труда спецпереселенцев (особенно в первой половине 1930-х гг.) была выше, чем у колхозников – результативный труд давал шанс

выхода из поселений. Для молодежи спецпоселков так называемый ударный труд давал шанс получить перспективу, изменить социальный или профессиональный статус.

Более серьезные различия касались условий экономической деятельности. В отличие от колхозов, неуставные артели были интегрированы в систему ГУЛАГ, а это в условиях дефицита и конкуренции за все виды ресурсов давало неоспоримые преимущества репрессивному ведомству в борьбе за их получение. Системы спецпоселений, как и колхозная, создавались практически с «нуля» и одновременно. На их создание были направлены значительные средства – материальные и финансовые. Однако если колхозная система была до известной степени «прозрачна», то система спецпоселений была, образно говоря, экономической черной дырой, неподконтрольной гражданским государственным органам. Для поддержания созданных систем требовались в дальнейшем все новые ресурсы, финансовые льготы и послабления (отсрочки по выплатам задолженностей, списание долгов и так далее), минимизация налогового бремени. Естественно, что НКВД это удавалось делать успешнее в отношении спецартелей, нежели НКЗем в отношении колхозов. Лоббирование чекистами экономических льгот и налоговых послаблений для спецпереселенцев не выглядело нонсенсом, аномалией для экономики мобилизационного и затратного типа. Однако во второй половине 1930-х гг. такого рода функции были признаны руководством НКВД для себя обременительными. В конечном счете, в 1938 г. неуставные артели были переведены на устав колхозов, а их экономическая деятельность перешла в ведение НКЗем. За чекистами остался контроль за соблюдением режима спецпоселения. Тем самым некоторые различия, ранее существовавшие между колхозами и спецартелями, оказались нивелированными.

Возвращаясь к первоначальному вопросу о недостатках или преимуществах колхозной и спецпереселенческой систем хозяйствования в 1930-е гг., можно сделать вывод о том, что обе системы хозяйствования оказались исторически тупиковыми, не имевшими перспективы и динамики своего развития, поскольку и спецпереселенцы и колхозники являлись социальными жертвами двух разновидностей сталинской политики раскрестьянивания – принудительной и «добровольной», генетически близких друг другу.

Выше уже отмечалось, что экономическая статистика, отражавшая хозяйственную и финансовую деятельность спецпоселений, которая

централизованно велась соответствующими подразделениями Отдела трудпоселений ГУЛАГа является специфическим источником. Безусловно, отчетность, фиксирувавшаяся в натуральных и стоимостных показателях, не могла отражать всех реалий и не могла быть полной и объективной, хотя бы в силу того, что, будучи закрытой и ведомственной, она не подвергалась перепроверкам, во всяком случае, в первой половине 1930-х гг. Тем не менее исследователи могут воспользоваться и этими сведениями, хотя бы для того, чтобы представить сам механизм движения и расходования средств, выделявшихся на функционирование системы спецпоселений, исходя из централизованных данных, поступавших в финансовый отдел ГУЛАГа.

Согласно финансовой части отчета Отдела трудпоселений (ОТП) ГУЛАГа о деятельности в 1935 г. (без Урала и Северного края), затраты на поддержание и развитие системы спецпоселений (инфраструктурной, непроизводственной ее части), состояли из двух основных показателей: затрат безвозвратных и ссуд, носивших возвратный характер. Первая категория затрат включала в себя расходование средств а) на капиталовложения (строительство, оборудование и ремонт школ, больниц и других инфраструктурных сооружений) – 10472,3 тыс. руб. и б) целевые расходы (медицинское, культурное обслуживание, дорожное строительство и связь, вселение новых «контингентов», содержание нетрудоспособных, сельхозустройство, содержание аппаратов комендатур и так далее) – 50034,9 тыс. руб.; всего – 60507,2 тыс. руб. Эти безвозвратные средства были покрыты за счет внутренних ассигнований самого ГУЛАГа на 77,6 %, остальная почти четверть средств на покрытие расходов получалась из различных источников госбюджета.

Из этого следует, что инфраструктура спецпоселений являлась дотационной, ибо собственных средств ГУЛАГа (в немалой части также получавшихся из того же госбюджета), хватало только на частичное покрытие системы жизнедеятельности спецпоселений. Примечательно также, что полученные ОТП доходы за счет 5 % отчислений от заработков трудпоселенцев в 1935 г. (7639,7 тыс. руб.) не покрывали расходов на содержание аппаратов комендатур в том же году (1258,1 тыс. руб.).

Что же касается ссудных обязательств, или подлежавших возврату средств, которые состояли в обеспечении трудпоселенцев жильем (затраты на жилищное строительство), средств на приобретение инвентаря, скота и других «мате-

риальных ценностей» под ссудные обязательства с рассрочкой платежа, то здесь ситуация выглядела крайне тяжелой. На начало 1936 г. на ОТП ГУДАГа возлагалась необходимость взыскать с трудпоселенцев накопившиеся за предыдущие годы возвратные ссуды на сумму 62856 тыс. руб., и из этой суммы более 20 % , по оценкам финансовых органов, взыскать от трудпоселенцев оказывается невозможным «ввиду необеспеченности и выбытия их по разным причинам». Соответственно, руководству ГУЛАГа предстояло добиваться их списания, то есть перечисления этой части возвратных ссуд в категорию безвозвратных, а по остальным ссудам – отсрочки выплат. В документе, направленном финансовым отделом ГУЛАГа руководству НКВД содержалась и констатация того факта, что «дальнейшие затраты на мероприятия по трудовым поселениям без обеспечения их бюджетным финансированием для ОТП непосильны». Это следует оценивать как признание дотационности системы спецпоселений пять лет спустя после начала ее формирования, несмотря на ставшие уже стереотипными утверждения об успехах в «хозяйственном укреплении контингентов, осевших в предшествующие годы» [4. С. 772–776].

Таким образом, можно сделать вывод, что если по способам организации и управления экономика спецпоселений являла собой модель экстерриториальной (закрытой) и режимной экономики, то способам экономического существования и поведения самих спецпереселенцев это была экономика выживания. Для любой открытой институциональной экономики рыночного типа подоб-

ная модель выглядела бы как аномальная. Однако для советской экономики, экономики мобилизационного типа она являлась вполне органичным ее сектором. Впрочем, здесь необходимо пояснение, дабы не попасть в апологетику системы принудительного труда. Принудительная экономика, сколько бы стройно институционально она не была выстроена, внутренне противоречива, уязвима, лишена перспективы развития. В этом смысле она глубоко маргинальна.

Маргинальна не только в том значении, что она выстроена и базируется на труде маргиналов (заклоченных и спецпереселенцев). Маргинальны и сами экономические основания ее функционирования. Это ресурсозатратная экономика, ставящая предметы и орудия труда не только вровень с человеком, но человеческие ресурсы ценятся ниже. За гибель лошади или сломанное оборудование спецпереселенец получал срок заключения. За смертность людей на поселении комендант, как правило, ответственности не нес. Маргинальной и глубоко деформированной была и мотивация труда спецпереселенцев. Труд выступал для них прежде всего средством выживания, и только затем он мог эволюционировать в средство к существованию, удовлетворению своих потребностей, инструментом повышения социального статуса и так далее. Режим труда для спецпереселенцев носил ограничительный, дискриминационный характер (запрет на свободу передвижения, на выбор рода занятий и так далее). И в этом смысле труд маргиналов не мог быть позитивно мотивированным, производительным.

Список литературы

1. ГУЛАГ: Экономика принудительного труда. – М., 2008. – 320 с.
2. Земсков, В. Н. Спецпоселенцы в СССР. 1930–1960. – М., 2003. – 306 с.
3. История сталинизма. Принудительный труд в СССР. Экономика, политика, память: материалы международной научной конференции. Москва, 28–29 октября 2011 г. – М., 2013. – 510 с.
4. Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение. 1930–1940. – М., 2006. – Кн. 2. – 1120 с.
5. Спецпереселенцы в Западной Сибири. Весна 1931 – начало 1933 г. – Новосибирск, 1993. – 341 с.

Сведения об авторе

Красильников Сергей Александрович – профессор кафедры отечественной истории, Новосибирский национальный исследовательский государственный университет.
krass49@gmail.com

REGIME SEGMENT OF THE SOVIET ECONOMY: THE CREATION OF THE SPECIAL SETTLEMENTS SYSTEM IN THE FIRST HALF OF THE 1930s

S. A. Krasilnikov

Novosibirsk State University. krass49@gmail.com

Significantly, the beginning of the 1930s was a time of speedily creation of the Soviet economy's regime segment, based on the enforcement of different "special contingent" groups to work. First of all, the mass anti-peasantry repressions in the countryside became the base for a creation of special settlements to accommodate exiled peasants and their families and to use their labor afterwards. Certainly, that policy of forced dekulakization was an essential part to create the economy of military-mobilization type in the USSR. In this work the analysis of the basic political, economic, social and demographic factors, which influenced the dynamics of the commandant subsystem forming and its structural-functional features and further evolution, is made. The author revealed such features of forced labor subsystem as huge costs of its creation and operation, distortions of work activity incentives and motivations, the demographic potential degradation of exiled peasant families, the destructive impact of non-economic factors (secondary repressions, death, escapes, etc.). Discriminations and restrictions in the spheres of labor and living conditions, payment and socio-professional mobility, which were applied to special settlers, only enhanced the marginal status of exiled peasants in the Stalinist society.

Keywords: *state repressive policy, peasantry, special settlements system, commandant economy.*

References

1. *GULAG: Ekonomika prinuditel'nogo truda* [Gulag: Forced Labor Economics]. Moscow, 2008. 320 p. (In Russ.).
2. Zemskov V.N. *Specposelency v SSSR. 1930–1960* [Deportees in the USSR. 1930–1960]. Moscow, 2003. 306 p. (In Russ.).
3. *Istoriya stalinizma. Prinuditel'nyj trud v SSSR. EHkonomika, politika, pamyat'* [History of Stalinism. Forced labor in the Soviet Union. Economics, politics, memory]. Moscow, 2013. 510 p. (In Russ.).
4. *Politbyuro I krest'yanstvo: vysylka, specposelenie. 1930–1940* [The Politburo and the peasantry: the exile, special settlements. 1930–1940], book 2. Moscow, 2006. 1120 p. (In Russ.).
5. *Specpereselency v Zapadnoj Sibiri. Vesna 1931 – nachalo 1933 g.* [Special settlers in Western Siberia. Spring 1931 – the beginning of 1933]. Novosibirsk, 1993. 341 p. (In Russ.).